

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ЛИНОР ГОРАЛИК

ПОЛАЯ ЖЕНЩИНА

МИР БАРБИ ИЗНУТРИ И СНАРУЖИ

новое
литературное
обозрение

Культура повседневности

Линор Горалик

**Полая женщина. Мир
Барби изнутри и снаружи**

«НЛО»

2005

УДК 930.85:688.721.23
ББК 71.04

Горалик Л.

Полая женщина. Мир Барби изнутри и снаружи / Л. Горалик —
«НЛО», 2005 — (Культура повседневности)

ISBN 978-5-4448-0446-9

С первых дней своего существования Барби стала восприниматься как социокультурный феномен. В ее игрушечном мире нашли отражение такие проблемы реального общества, как эмансипация, семейные отношения, сексуальные нормы, карьера, политкорректность и многие другие. В ходе жарких споров сторонники и противники куклы, сами того не замечая, создали целую мифологию Барби. В книге исследуется не только история самой куклы, но и особенности ее восприятия обществом. Линор Горалик показывает, как за сорок с лишним лет Барби стала по сути зеркалом западной цивилизации. Столь полное и обстоятельное исследование феномена Барби выходит на русском языке впервые.

УДК 930.85:688.721.23

ББК 71.04

ISBN 978-5-4448-0446-9

© Горалик Л., 2005

© НЛО, 2005

Содержание

От автора	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Горалик Линор

Полая женщина. Мир Барби изнутри и снаружи

Моим родителям, создавшим для меня золотое детство, пусть и без Барби

– Вам для чего эта коробочка? – вполголоса спросил Никита.

– Это коробочка для кукольных перчаток, – ответила Лилия серьезно, – вы мальчик, вы этого не поймете.

А.Н. Толстой «Детство Никиты»

– Хочу быть Барби. У этой сучки есть ВСЕ!

Табличка на заднем стекле старенького автомобиля

От автора

Насколько я могу судить, это – первая исследовательская книга о Барби, написанная на русском языке. На протяжении полутора лет работы над «Полой женщиной...» меня не раз посещало опасение, что затеянный проект мне не по зубам – уж очень обширной оказалась тема. Основную трудность, видится мне теперь, составляло не только и не столько обилие материала о Барби, требующего систематизации, сколько разнообразие форм ее присутствия в современном мире. Стоило задуматься о любой вариации куклы, о любом ее мало-мальски значительном качестве, как волей-неволей начинал разматываться клубок совершенно не игрушечных тем: общество потребления, гендерное самоопределение, глобализм, этническая и расовая рознь, современная педагогика, неполные семьи, восприятие поп-культуры, социализация личности, страх смерти, – словом, все, что на сегодняшний день образует круг наиболее актуальных и наиболее болезненных проблем человеческого общества. История профессий, которыми на протяжении сорока шести лет «овладевала» Барби, оборачивается историей женского трудового движения, о появлении *Lingerie Barbie* – «Барби в нижнем белье» – невозможно говорить, не касаясь темы сексуальной либерализации, с одной стороны, и законов конъюнктуры на рынке детских товаров – с другой. Говоря о «Бодрой Бекки» – подружке Барби, проводящей свою жизнь в инвалидной коляске, – волей-неволей приходится касаться такой тяжелой темы, как двойственное отношение к инвалидам в западном обществе. Я не знаю ни одной игрушки, которая заставляла бы любого заинтересовавшегося ею человека размышлять о стольких сложных, болезненных и очень взрослых вещах. Такая интегрированность Барби во взрослый мир сильно затрудняет исследование; она требует все время поступаться одними феноменами ради разбора других и подразумевает постоянный страх автора упустить что-нибудь крайне значительное, увлекшись в силу личных интересов и склонностей какими-то отдельными аспектами. Но в то же время именно она, эта интегрированность, делает Барби бесценным объектом для исследования, более того – объектом, вызывающим к исследованию, объектом, требующим внимания и понимания в качестве если не ключа к целому ряду проблем, то хотя бы дверного глазка, позволяющего взглянуть на современную нам цивилизацию с высоты двенадцатидюймового кукольного роста.

Читая статьи о Барби, «тусуясь» на форумах фанатов и ненавистников этой куклы, беседуя о ней со знакомыми, я все время сталкиваюсь с чужой и собственной манерой говорить о Барби как о живом человеке. «Она считает себя...», «Она ведет себя, как...», «Ее друг Кен

имеет привычку...». Это вполне свойственно нам и при беседе о других антропоморфных, но не живых существах (скажем, литературных героях), но «жизнь» Барби, т. е. та картина жизни, которую наблюдает человек, вовлеченный в «мир» Барби, настолько полна и разнообразна, что наши проекции оказываются захватывающе непосредственными. Другая особенность дискурса, возникающего при обсуждении Барби, – двойственность восприятия этой куклы, существующая из-за зазора между «детской» и «взрослой» составляющими ее бытования. На протяжении всей книги я буду еще очень много говорить о двойных посылах во всем, что связано с Барби, но этот наиболее, на мой взгляд, значительный и наиболее очевидный. Я, естественно, пыталась писать о Барби с позиций «взрослого человека», т. е. с позиции того, для кого эта маленькая пластиковая красавица не непосредственный товарищ по играм, а социально-культурный феномен. Но из этой позиции я все-таки пыталась рассуждать о том, что мне заведомо недоступно, – о восприятии Барби глазами тех, кому она преподносится в подарок и кто сажает ее на горшок, катает верхом на кошке, переодевает из принцессы в ветеринара и считается с ее мнением по самым разным вопросам его собственной, очень юной жизни. И, отдавая себе отчет в этой двойственности, я просила бы и тех, кто читает эту книгу, все время помнить: мы ничего на самом деле не знаем о том, какой видят Барби те, кого мы пытаемся то защищать от ужасного влияния «пластиковой шлюхи», то задаривать все новыми и новыми копиями этой «удивительной куклы, любимицы всех девочек мира».

Феномен Барби был создан не компанией «Маттел», всего-навсего решившей в 1959 году предложить маленьким девочкам «взрослую» куклу с тремя сменными костюмчиками, а всеми теми, кто с первого дня существования этой куклы говорил о ней не как о детской игрушке, а как о живом человеке и как о социальной проблеме. В 1959 году журналисты называли Барби «пугающей и развратной», изумительно наглядно демонстрируя тот механизм «анимирования», одушевления, который вообще свойствен людям, ведущим речь о куклах. Несколько месяцев назад, когда Барби после сорока двух лет брака разошлась с Кеном, «Маттел» прокомментировала эту ситуацию так: «Они останутся друзьями, но устали друг от друга и собираются исследовать новые горизонты». Чтобы понять, как устроен феномен Барби, достаточно сравнить это округло-позитивное высказывание с тем многодневным шквалом эмоций, который захлестнул прессу и интернет вследствие такого, казалось бы, малозначительного события. Ни одно мало-мальски уважающее себя издание – от «Нью-Йорк Таймс» и «Коммерсанта» до «Sun» и «Московского комсомольца» – не преминуло написать кто заметочку, а кто и полноценную статью о распаде «самой звездной пары века», по выражению одного из коллекционеров Барби на известном интернет-форуме. Высказывались любые мнения – от феминистских восторгов по поводу «освобождения» бедной рабыни до христианского негодования по поводу ужасного примера, который этот развод подает детям. Компания «Маттел» не приложила к этим публикациям руки – все сделали мы сами. На протяжении сорока шести лет происходил удивительный процесс: «Маттел» всего-навсего выпускала разодетых куколок, прилагая к ним максимально нейтральные, монашески-возвышенные описания. Остальной мир достраивал, придумывал, проецировал, вчитывал, интерпретировал – и в ответ ненавидел, сопереживал, протестовал, запрещал, боролся и мучился. Я была по-своему рада, когда и «Маттел», и ее представитель в России – компания «Мир Барби» без объяснения причин отказались сотрудничать с издательством «НЛО» при написании этой книги. С одной стороны, это лишило меня большого корпуса материалов, не позволило включить в книгу главы о финансовых аспектах мира Барби, наверняка привело к целому ряду неточностей; но, с другой стороны, я получила возможность писать книгу не о том, какой задумывали куклу ее создатели и какой они видят ее сейчас, а о том, какой видим ее мы, люди, не вовлеченные напрямую в процесс создания мира Барби, но формирующие его по собственному образу и подобию.

Я считаю возможным воспринимать Барби как своего рода зеркало западной цивилизации, причем зеркало с неожиданной, но очень полезной кривинкой: цивилизация эта отража-

ется в нем, как если бы она была кукольной. Это не пустой каламбур: в зеркале Барби наш мир выглядит так, как его видит, скажем, главный герой в фильме «Шоу Трумана» – до катастрофы, приведшей его к бегству из гламурной действительности. Мир Барби – это наш мир, каким бы он был, будь мы куклами – существами, лишенными в равной мере сомнений и недостатков. И там, где Барби вызывает у нас раздражение, мы можем твердо говорить себе: мы проецируем на нее свои проблемы. Дело не в ней, дело в нас. Это мы раздражаем себя своим навязчивым следованием моде, или карьеризмом, или беспокойством о собственной внешности, или тем, как мы строим семейные отношения, или, наконец, тем, какие игрушки мы выбираем для своих детей. Это наш мир отражается в безопасном небьющемся зеркале ее крошечного розового трюмо; в том, что он не нравится нам, мы можем винить только самих себя.

В результате я сдаю рукопись в редакцию с ощущением, что «Полая женщина...» – не исследование о Барби, а в какой-то мере сборник мыслей по поводу той цивилизации, которая способна сотворить себе кумира из маленькой пластмассовой куклы и так сложно, так противоречиво и запутанно построить собственные отношения с этим кумиром. О Барби выходили десятки книг, но мне не удалось найти исследование, целиком посвященное Барби именно как социокультурному феномену. Я не льщу себя мыслью, что мне удалось написать именно такую книгу, но сам подход кажется мне важным, и, возможно, попытка выбрать именно этот путь будет служить некоторым оправданием очевидным недостаткам «Полой женщины...».

Первая часть «Полой женщины...» называется «Мир до Барби»: в ней делается попытка бегло рассказать об истории кукол вообще, о том, что они значили и значат для нашей цивилизации, о том, почему именно кукла оказалась способна так прочно завоевать мир, и о том, как сумела переосознать прошлое «мама» Барби Рут Хендлер, чтобы создать один из самых поразительных феноменов за всю историю игрушек. Я буду часто ссылаться на эту информацию в других частях книги. Вторая часть «Полой женщины...» – «Мир Барби» – рассказывает о самой кукле: ее устройстве, образе жизни, нарядах, привычках, характере, внешности, истории – словом, о всем том, что составляет образ Барби. И наконец, в третьей части – «Мир вокруг Барби» – я пытаюсь говорить целиком и исключительно о нас, о людях, играющих с куклой, собирающих ее, ненавидящих ее, использующих ее в своих целях, молящихся на нее, боящихся ее, дружащих с ней, т. е. о том, что, как мне кажется, и создало «феномен Барби», процветающий по сей день.

Ругать Барби, обвиняя ее во всех смертных грехах плюс в разложении нравов и способствовании закату цивилизации, считается в определенном кругу хорошим тоном. Но читая и слушая высказывания об этой кукле самых разных людей, я часто думала: «Если бы с Барби все обстояло так плохо, как говорит один автор, то за 46 лет нашего знакомства с ней при масштабах ее популярности цивилизация давно скатилась бы в тартарары; а если бы с ней все было так хорошо, как пишет его коллега, человечество давно забрали бы живьем на небо». Мне хотелось бы, чтобы читатель этой книги исходил из простой предпосылки: дела с Барби обстоят не хорошо и не плохо, они обстоят сложно. И именно эта сложность, неоднозначность, постоянная двойственность посылки, как мне видится, делает Барби ценнейшим объектом для исследования.

Часть первая Мир до Барби

Глава первая Нежное идолище: история кукол

Отправную точку разговора о Барби, т. е. ту точку, начиная с которой можно было рассматривать предтечи, сделавшие возможным появление нашей девочки, обнаружить на исторической шкале довольно трудно. Девочка наша родилась в 1956 году; можно было бы начать с дня рождения ее «матери», немецкой виниловой шлюшки по имени Лилли. Но и Лилли возникла не случайно – говоря о ней, необходимо вспомнить и о традиции «взрослых» кукол, бытовавшей на тот момент, и о традиции существования таких кукол на протяжении веков в целом. Тогда невозможно уклониться от разговора о появлении первых кукол-детей, что отбрасывает нас в конец XVIII века, и о том, почему они не возникли раньше, что заставляет вернуться к XVI–XVII векам. Но и там волей-неволей приходится покопаться в традиции существования fashion dolls – а ей больше семи столетий – и поинтересоваться, как куклы вообще стали игрушками, поскольку изначально они служили по большей части очень взрослым задачам.

Чем больше я читала об истории игрушек, в частности и об истории детства в целом, тем лучше понимала, насколько неверным оказывается при внимательном рассмотрении известный тезис, часто вытекающий из поверхностных попыток объяснить феномен успеха Барби. Этот тезис формулируется по-разному, но главная мысль всегда одна: секретом создателей Барби было их беспрецедентное новаторство. Они придумали взрослую куклу среди надоевших маленьким девочкам пустоглазых лялек; они решили сшить для нее тысячи нарядов, заставляя покупателей коллекционировать огромные гардеробы; они сообразили, что кукле можно приписывать те или иные актуальные профессии; они догадались создать для нее семью и друзей, чтобы поклонники покупали не одну куклу, а десятки приятелей и приятельниц Барби; и дальше на каждом шагу восторги по поводу способности компании «Маттел» изобрести, придумать, создать, нащупать, угадать – и снять сливки. На самом же деле, видится мне, восторг в адрес производителей куклы должен относиться к совершенно обратному явлению, а именно к их способности уникальным образом переработать, переосмыслить и использовать традицию, веками существовавшую в истории кукол в частности и в истории игрушек вообще. Та самая новация, которой справедливо гордится компания, лежит не в области «изобретения» самой Барби и других весьма успешных проектов, а в области маркетинга – так, «Маттел» была одной из первых компаний, сумевших увидеть в детях самостоятельную группу покупателей и оценить рекламные возможности телевидения, рассчитанного на эту аудиторию. Именно маркетинговый гений позволил компании создать мир, где мордочка Барби по опросам, проводившимся в середине 90-х годов, оказалась самым узнаваемым лицом на планете. Сама Барби, ее бесконечные наряды, профессии и друзья, ее способность ходить и разговаривать, наличие у нее социальной позиции – все это результат кропотливого поиска подходящего материала в истории игр и игрушек, реанимация многих давно забытых приемов, забав и кунштюков, которые при правильной подаче по-прежнему способны вызывать восторг и ужас у детей и взрослых.

Создатели Барби заслуживают восхищения как этим кропотливым, хотя и нигде не заявленным вниманием к прошлому, так и способностью сварить подобный соус, постоянно добавляя в новое варево одну ложку прежнего, как делают хозяева маленького ресторана в Болонье,

на вывеске которого указано: «Мы варим наш знаменитый суп с 1886 года!» Компания-производитель Барби варит свой знаменитый суп с 1956 года, и в первую его порцию была плюхнута хорошая поварешка старой доброй традиции. Хочется, конечно, написать: «Куклы существовали столько, сколько существовало человечество», – но поручиться за достоверность такой фразы никто не может: кукол редко делали из прочных материалов, да и особой ценностью они, за редкими исключениями, не считались, и поэтому древних образцов сохранилось мало. Самым ранним, насколько мне известно, считается фрагмент куклы с подвижными руками и ногами, относящийся к вавилонскому периоду; но логика заставляет думать, что фигурки, слепленные, сплетенные, вырезанные из дерева и камня по образу и подобию человека, существовали и раньше. С другой стороны, мне кажется, что считать саму идею куклы настолько простой и очевидной, чтобы относить ее к категории базовых бытовых объектов, сопровождавших человечество с его, условно говоря, первых шагов, было бы наивно. Осмысленное создание артефакта, не имеющего немедленного прикладного характера, требовало немалого уровня развития само по себе, но рукотворное создание образа, подражающего природному, а тем более образа, имевшего культовое значение (большинство теорий сходятся на том, что фигурки людей, животных, птиц, рыб и т. п. изначально создавались ни в коем случае не из игровых, а именно из оккультных соображений), требовало способности к абстрактному мышлению, к сложным ассоциативным ходам, к серьезно развитой фантазии. Само возникновение куклы кажется мне достижением человечества, важным этапом его развития. Животные знают только один способ создавать себе подобных; у нас же существуют глина, пластик, стекло и собственное воображение, способное назвать веник «Маней», определить у него «голову» и «ноги» и сделать его своим главным доверенным лицом на все дачное лето. Для меня очень важной является моя собственная убежденность в том, что наши отношения с куклами не слишком просты по сей день. Эволюция кукол видится мне эволюцией отношений человека с окружающим миром, с собой и с понятием «человек» в целом. При всей абсолютной обыденности кукол в окружающем нас мире, при всем их исключительном разнообразии мы продолжаем видеть в кукле в первую очередь то, что видел в незапамятные времена дикарь, едва научившийся разводить огонь, но уже способный смастерить из веток и грязи нелепое существо с головой и ногами, чтобы положить его на месте захоронения брата по племени: мы видим «персону». Это происходит вне зависимости от нашего возраста и вне зависимости от типа куклы. Именно этим фактором пользуются детские психологи, давая ребенку куклу и наблюдая за процессом игры; именно этим фактом пользуются художники, ставя кукол под гитлеровское приветствие или на четвереньки; и именно этим фактором пользуются создатели всех кукол мира – и особенно создатели куклы Барби, – наделяя их индивидуальностью (тем, что на английском так удачно называется *identity* – уникальными качествами, свойственными только данной личности), заставляя покупателя и поклонника воспринимать двух абсолютно идентичных пластиковых кукол как двух разных персонажей: «Малибу Барби» в полосатом купальнике оказывается *совсем другой куклой*, нежели «Барби-Балерина» в голубой пачке. Когда на сайтах поклонников Барби читаешь истории об отношении девочек со своими куклами, иногда обнаруживаешь уровень такой персонализации, «одушевления» Барби, что волосы встают дыбом («Я всегда спрашиваю у нее совета, как одеваться на то или иное мероприятие...»), пока не вспомнишь все тот же веник по имени Маня и не подумаешь, что, может, у этих девочек все не так уж и плохо с головой.

Английское слово *doll*, по наиболее распространенной версии, происходит от греческого *eidolon* – идол. Первый этап отношений человека и куклы – этап идолов. Мысль о том, чтобы завернуть ее, скажем, в половую тряпку и попытаться сделать «кошкиной дочкой», или о том, чтобы отвернуть ей голову и посмотреть, что внутри, или о том, чтобы, скажем, сунуть ее головой в унитаз в процессе игры в русалочку, показалась бы V–VI веках до н. э. такой же кошунственной, какой кошунственной нам показалась бы мысль проделать сегодня все то же самое

с живым младенцем. Кстати, с живыми младенцами дела тогда обстояли совершенно иначе: младенец, по большей части, создавался без умысла, ценности собой, за редким исключением, не представлял, и его вполне могли принести в жертву богам, старшим членам семьи или духам умерших предков. Кукла же делалась с умыслом и воплощала важную оккультную идею: в ней мог жить тот же дух умершего предка, или, наоборот, в него живой мог временно помещать свою душу, когда ей грозила опасность – скажем, во время болезни или перед войной, – и сунуть такую куклу куда бы то ни было головой показалось бы, мягко говоря, жестом странным и неразумным. На эту тему можно рассуждать долго, вспоминая и тех кукол, которыми злые феи подменяли украденного из колыбельки малыша, и кукол, которых татары хоронили во время тяжелой болезни, чтобы обмануть смерть, и «колоду» – полено в женских одежках, приносимую в жертву славянским богам вместо живой молодницы. Идею самостоятельной воли, злого или доброго «духа» в тельце куклы все еще воплощают сегодняшние куклы-берегини, а способность куклы «подменять» человека мы видим в огромном количестве сохранившихся по сей день языческих обрядах: Дуню-Масленицу все-таки сжигают не просто так; модные же в качестве политического жеста линчевания чучел двадцать-тридцать лет назад заставляли содрогнуться перед дикарской, языческой чистотой жеста, которой могут позавидовать самые рьяные последователи вуду. Да и куклы-идолы – в полном смысле слова – по-прежнему существуют, причем не где-нибудь в диких племенах, а в каждом европейском городе, да что там – едва ли не в каждом квартале. Даже неловкое прикосновение к этим прекрасно выполненным, ярким, запоминающимся креатурам оказывается кошунством. Я говорю не о куклах, имеющих «сентиментальную ценность» для их владельцев, и даже не о куклах вуду – лучших напоминаниях о том, с чего начинались отношения человека с его образом и подобием, но о фигурках христианских святых. Будучи куклами по всем параметрам, они уж никоим образом не предназначены для свободного обхождения, и даже, по признанию одной моей собеседницы, «пыль с них смахивать как-то неловко». Они – идолы, куклы, воплощающие абстрактнейшую и сложнейшую из идей. Упростив ситуацию, можно утверждать, что мы имеем дело просто с кусочком дерева или пластика, цена которого указана на чеке, а земное происхождение подтверждается фабричным клеймом на подставке. И все же мы сами, собственным воображением придали этой кукле сложный набор качеств, и даже если завернуть ее в целлофан и на десятки лет поставить в подвале церкви дожидаться лучших времен, мы, сняв покровы, снова увидим перед собой не куклу, но Деву Марию. Однако попади она в руки людей, не знакомых с символами христианства, – и через десять дней на голове у нее будет красоваться соломенная шляпка, в молитвенно сложенных руках возникнет одуванчик, а скорбные губы будут подведены маминой помадой – кукла как кукла. Именно эта способность наделять куклу человеческими качествами и создает всю нашу историю отношений с куклами, более того – объясняет сам факт их существования, саму степень их значимости в нашей жизни.

Вопрос о том, когда куклы стали игрушками, продолжает оставаться спорным. Для меня, например, вообще не очевидно, что они ими стали, – ну, по крайней мере, что они стали ими окончательно, совсем прекратили быть «идолами», существами, наделенными человеческими качествами. Общение с взрослыми фанатами Барби и наблюдение за играющими с тряпичными самодельными куклами маленькими деревенскими девочками заставляет сильно усомниться в подобном тезисе. Поэтому мне кажется уместным ставить вопрос иначе: когда люди стали создавать кукол, не имея в виду изначально придать им то или иное сакральное значение, когда кукла превратилась в «болванку», которой ребенок имеет право придавать значение сам, делая ее то мамой, то ангелом, то девочкой из соседнего дома, то суперменом, то самим собой? Шлиман, раскапывая Трою, нашел множество куколок – они лежали вперемешку с другими детскими вещами и позволяли думать, что действительно предназначались для игры. Считающаяся игрушкой тряпичная кукла из Британского музея датируется III веком до н. э. Самой древней куклой, обнаруженной на сегодняшний день, считается найденная в гробнице малень-

кого египетского фараона фигурка возрастом 4000 лет. Но намеренное отсутствие у нее ног, чтобы кукла не убежала, и очень странно выполненная голова, напоминающая о бытовавшей у многих народов традиции делать безликих кукол, чтобы в них не вселился злой дух, позволяют заподозрить, что эта антропоморфная фигурка предназначалась не столько для игры на том свете, сколько для оказания каких-нибудь более сложных услуг маленькой отлетевшей душе.

Однако большинство источников все-таки сходится на том, что в последние три тысячи лет в цивилизованном мире куклы очень часто делались для детской забавы. Но и тут дело, по большому счету, было нечисто: например, в Древней Греции девочки с наступлением пубертата должны были посвящать своих кукол Венере – таким образом, очевидно, немедленно переводя их из категории «игрушки» в категорию символа – себя, маленькой девочки, теперь вступающей в область жизни, которой правит богиня плодородия, размножения и любви. Потеря куклы, отдача ее чужому человеку, вынос из дому, по мнению европейцев, могли накликать несчастье – настолько сильно кукла, пусть даже игровая, связывалась с персонами ее хозяев. Оскорбление, нанесенное кукле, у некоторых славянских народов расценивалось как оскорбление, нанесенное лично ее хозяйке.

Возможно, это было одной из причин, по которым достоверность, реалистичность изображения исключительно высоко ценилась в куклах. Сходство с живым человеком старались придать вышивкой или росписью лица, имитацией человеческой фигуры, созданием подвижных конечностей. Первые куклы с руками и ногами на глиняных шарнирах относятся к началу древнеримской эпохи. Некоторые из них тонкой лепкой лица, большой грудью и способностью «двигаться» даже визуально удивительно напоминают Барби. Особая тонкость ваияния часто не допускалась материалом – все-таки подавляющее большинство кукол до индустриальной революции девочки или их матери делали вручную, из соломы, опилок, тряпок и прочих подножных средств – и «достоверность» такой домашней куклы восполнялась исключительной проработанностью костюма и того, что теперь называется «аксессуарами», т. е. маленьких вещичек, дополняющих образ куклы: сумок, домашней утвари, бижутерии, предметов туалета. Здесь уж предела мастерству и фантазии не было, и куклы нередко поражали полнотой имитации костюма и элементов повседневной жизни. Например, уже в 1870-е годы французский кукольник Фернанд Готье создавал для своих маленьких красавиц удивительно «живых» собачек. Другие мастера снабжали своих кукол гигиеническими принадлежностями, мылом, настоящими щипчиками для завивки волос – их можно было разогреть на углях и использовать, если ваша кукла носила парик из натурального материала. Тот же Готье продавал крошечное кукольное домино, а его записные кокетки являлись на бал не просто разрядившись в пух и прах, но и элегантно подвязав к руке блокнотик для записи танцев; куклы от Rock&Granner читали миниатюрные газеты за прекрасно накрытым завтраком.

К сожалению, именно костюм и аксессуары, как показывает история, всегда являлись самой хрупкой частью куклы: и без того постоянно подверженный внешним воздействиям костюм куклы сам по себе становился важнейшим элементом детской игры и постоянно претерпевал изменения: его то снимали, то переделывали, чтобы лучше разыграть ту или иную ситуацию, то пытались надеть на другую куклу, – и в результате от костюма часто за полгода-год оставались рожки да ножки, в то время как сама кукла могла служить девочке годами,нося тряпье либо получая время от времени новый костюм, но чаще всего просто облекаясь в подвязанные куски ткани вместо тщательно и продуманно сшитого изначального наряда. По сей день коллекционеры превыше всего ценят наличие у куклы оригинального костюма, и это, безусловно, относится к Барби с ее миллиардами переодеваний. Если бы одежды кукол всегда сохранялись, множество загадок истории – в том числе совсем не игрушечных – не были бы загадками на сегодняшний день.

Антропоморфность кукол не была единственным объяснением этого стремления их создателей к реалистичности – игрушка всегда, во все эпохи отражала окружающую реаль-

ность. От оловянных солдатиков до «Монополии», от Петрушки до GI Joe – все это использовалось ребенком (а иногда и играющим взрослым) для личного проживания событий, происходящих во взрослом мире, – будь то война, развод родителей, Карибский кризис или приезд «скорой помощи» в соседний дом. Это особенно заметно в последние годы, когда в плане реалистичности рынок игрушек фактически раскололся пополам. С одной стороны, стоит наша девочка Барби с ее гиперимитацией современной жизни – от костюмов Армани до настоящей электрической плиты размером с сигаретную пачку; новейшее огнестрельное оружие в детском безобидном варианте; куклы-младенцы, способные есть с ложечки, кричать по часам и пачкать подгузники, плюшевые животные, пугающе похожие на настоящих, и наборы «Юный медик» с только что не настоящими одноразовыми шприцами; с другой – бесконечные порождения комиксов и аниме, существа, главная ценность которых заключается именно в их ирреальности, непохожести на что бы то ни было живое. Даже антропоморфные красавицы с глазами в пол-лица и эльфийскими крыльями так же мало претендуют на реалистичность, как и Tickle-Me-Elmo – прелестный большеротый идиотик с клочковатой шерстью, гуманоид неопределимой расы, хихикающий, если почесать его бочок, и сумевший заставить пресыщенную американскую публику выстаивать получасовые очереди в магазинах игрушек под Рождество 1998 года.

Об Elmo восторженно писали, что это первая игрушка, умеющая реагировать на прикосновение ребенка: не на нажатие кнопки в животе и перекидывание туда-сюда, а на естественный жест – поглаживание, объятие. Восторги следовало отнести за счет соответствия такого подхода современным методам воспитания, учащих, помимо всего прочего, давать ребенку как можно больше тактильной ласки, обеспечивать свободу физического выражения эмоций в объятии, в поцелуе, в том, чтобы носить ребенка на руках или держать за руку, но не с целью волоочь за собой по улице, а с целью дать ощущение поддержки и опоры. Меня Elmo заставил лишний раз вспомнить о том, насколько тесно переплетена история игрушек и история воспитания ребенка. Лучшей иллюстрацией этой переплетенности является, на мой взгляд, история игрушек в Америке со времен прибытия европейцев на материк. Первые пуритане считали, что игра есть «бесполезное» и «непрактичное» занятие; детям были запрещены какие бы то ни было развлечения, и целенаправленно созданные игрушки фактически отсутствовали в этом мире. Дети сами тайком создавали куколок из тряпки и веревки или мячи, набитые мелкой стружкой, – эти игрушки приходилось прятать от взрослых под страхом серьезного телесного наказания. Когда нравы смягчились и детям разрешили играть хотя бы по воскресеньям, существовало мнение, что игрушки должны быть «высокоморальными». Ребенку могли подарить искусно выполненный Ноев ковчег со ста парами тварей, но за мысль поиграть с этими тварями в бродячий цирк можно было схлопотать розгой: разрешалось только разыгрывать сцену создания ковчега и восхождения на него. Дети считались исчадиями ада, и взрослые не сомневались, что воспитывать ребенка означало выбивать из него врожденные сатанинские наклонности, первоначальную греховность: любое проявление свободы воли виделось признаком возобладания дьявола над маленькой душой. Детские книги того времени, рассчитанные на 5 – 8-летнего читателя (а скорее, слушателя), хорошо иллюстрируют ситуацию: «Расплата за грехи», «Маленькие чревоугодники», «Чистое зло», «Отправка в ад» и «Опасная игра» запугивали детей до судорог, до ночных кошмаров, в свою очередь считавшихся домогательствами со стороны дьявола и лечившихся поркой. На протяжении многих веков взрослым совершенно не приходило в голову, что игрушки должны хоть как-то соответствовать наклонностям ребенка: очень часто девочка получала в подарок куклу, которую ей тут же запрещалось трогать руками, чтобы не испортить. В соответствии с тем как проходила эволюция теорий воспитания, проходила и эволюция представлений о детской игрушке. Игрушки по-прежнему носили «воспитательный» характер, но уже не боролись с врожденным грехом в ребенке, а защищали его врожденную же невинность (на мой взгляд, один из самых занимательных вывертов христианского мировоз-

зрения) и готовили его к жизни во взрослом мире. Но все-таки вплоть до конца пятидесятих годов (Барби, вспомним, родилась в 1959-м) ребенок фактически не имел шансов самостоятельно выбирать игрушки себе по душе; только в начале второй половины XX века произошла семейная революция, приведшая к возникновению ребенка-покупателя и к так называемой последующей коммерциализации детства: у ребенка появились свои деньги. Причин тому было множество, но в качестве главной, видимо, следовало бы указать послевоенный восторг перед стабильностью 1950-х и глубокую убежденность родителей, что как мальчики, так и девочки должны с малых лет учиться узнавать цену деньгам. Родители начали выдавать отпрыскам карманные деньги – с регулярностью крошечной зарплаты – и приучать ребенка к мысли, что за некоторые свои удовольствия он платит сам. Те из создателей игрушек, кто сумел оценить детей как новую покупательную силу, вырвались вперед на много, много лет. Среди них была и компания «Маттел». Всю историю существования этой компании – и всю историю существования Барби – можно описать именно как историю изумительного рыночного чутья, гениальных маркетинговых стратегий и следования конъюнктуре, – следования до того бессовестного, что порой цинизм некоторых вариаций Барби заставляет разумного наблюдателя неловко поперхнуться. Ее производители всегда владели удивительным искусством лавировать между реальными запросами детей и представлениями родителей о том, какими эти запросы должны быть. Барби эволюционировала вместе с представлениями родителей о воспитании и вместе с возникновением класса детей-потребителей, самостоятельно выбирающих себе развлечения вне зависимости от полезности и ценности. Сегодня эта кукла полностью вписывается в современную концепцию воспитания, в идеале готовящую ребенка к высокой социальной адаптированности, гибкости, самостоятельности, карьерных достижений, «популярности», разыгрыванию сюжетов «успеха», и при этом вполне является, по мнению многих родителей, целомудренной воспитательной игрушкой, беспрецедентной «ролевой моделью» для маленьких девочек. Но в то же время Барби умудряется быть для тех же девочек объектом самых нецеломудренных проекций и самых дерзких фантазий о взрослой жизни, – фантазий, приводящих иногда к замечательным, а иногда и ко вполне печальным последствиям. Иногда мне кажется, что эта кукла вступает с маленькими девочками – ее обладательницами – в некий сложный заговор, скрытый от взрослых: давай отведем им глаза, пусть считают, что, купив меня в качестве «Барби-любитель-фитнес», они привьют тебе любовь к здоровому образу жизни; лишь бы они оставили нас в покое, а уж тогда мы с тобой сами решим, чем себя занять.

Глава вторая

Игры с историей: предтечи Барби

Такая близость Барби и ее маленьких подопечных, способность этой куклы так плотно входить в их мир, объясняется в первую очередь умением ее создателей черпать вдохновение в истории отношений девочек с их куклами. Само рождение этой куклы было результатом серьезного переосмысления того, что в 50-х годах – и даже раньше – предлагал девочкам создаваемый взрослыми кукольный рынок, и того, что сами дети в реальности хотели бы видеть в своей искусственной компаньонке. Чтобы понять феномен Барби нам, таким образом, придется проделать тот же самый путь, который проделала в свое время Рут Хендлер, и понять, что предшествовало возникновению «пластиковой принцессы».

В попытке понять истоки и предтечи феномена «этой сучки», глядя на историю кукол из бойницы розового замка Барби, наблюдатель не перестает дивиться уже упоминавшемуся мной факту: насколько все-таки мир Барби является квинтэссенцией нескольких последних веков этой истории и как грамотно производители куклы сумели отобрать все наиболее привлекательное, наиболее занятное для своей целевой аудитории, т. е. не только для маленьких девочек, но и для взрослых коллекционеров. Любое серьезное явление в истории кукол, любой хоть сколько-нибудь популярный трюк повторен, а порой и десятикратно увеличен в мире Барби. Таким образом, попытка поиска предтеч Барби по большому счету оборачивается бесконечной игрой в узнавание, процессом составления детальной картины заимствований.

В этом процессе приходится начинать с самого главного момента, а именно с того, что Рут Хендлер – одна из первых владельцев компании, так называемая «мама Барби», посмела придумать «взрослую» куклу и предложить ее маленьким девочкам, до сих пор в качестве объектов игры располагавшим только пупсами и пучеглазыми малышами. Сама Хендлер повествовала о своей блестящей догадке следующим образом: ее осенило, когда она заметила, что ее маленькая дочь Барбара (в честь которой и была названа Барби) предпочитает куклам-детям игру с бумажными куклами, изображающими модно одетых дам. Барбара не просто меняла им наряды – ей нравилось заставлять эти фигурки играть взрослые роли, ходить на работу, принимать гостей, отправляться в путешествия ит.д. По словам Хендлер, именно тогда ей и пришлось в голову нарушить все правила и создать куклу-даму (это сейчас Барби стала подростком; я еще буду много говорить об изменениях ее внешности в отдельной главе, но сейчас упомяну, что первая Барби с ее очень взрослыми прической и макияжем, не говоря уже о пресловутых пропорциях фигуры, о которых тоже пойдет речь, тянула на все тридцать). На самом же деле – что ничуть не умаляет гениального маркетингового чутья Хендлер – она осмелилась не произвести новацию, но вернуть традицию. Позже в некоторых интервью она даже признавалась, что иногда «брала то, что уже было популярным, и добавляла новое».

Испокон веков дети играли «взрослыми» куклами, т. е. куклами, изображавшими взрослых людей, чаще женщин, чем мужчин. Причин для такой традиции было несколько: например, исторически сложившееся определенное безразличие к детям, существовавшее до самого позднего Средневековья, неспособность великого множества взрослых в западных культурах всерьез воспринимать ребенка и его мир как то, что заслуживает внимания и отображения. Другой причиной была причина педагогического характера. Как уже упоминалось, игрушки должны были готовить ребенка к будущей жизни, иметь воспитательный характер. Казалось бы, именно это делали куклы-дети нашего собственного детства – воспитывали в девочках «будущих матерей», как тогда любили говорить. Но следует помнить, что для маленькой девочки XVII, XVIII и даже начала XIX века (я особенно имею в виду девочек из хорошего общества, чьи родители могли в принципе позволить себе приобретение настоящих кукол, хотя и в плебейской среде дела обстояли ровно так же) задача «быть хорошей матерью» не стояла

на повестке дня практически никогда. Едва ли не до середины XIX века рождение ребенка для низших слоев населения было скорее обузой; задачи воспитания фактически не стояли перед женщиной вообще; для высших же слоев дети очень часто становились придатком к собственной жизни, их воспитание сбрасывали на нянь и гувернеров, и мать, ожидая ребенка, думала не о том, что она сможет дать ему, но о том, что ребенок сможет дать ей: любовь, внимание, привязанность, нежность, которых ей самой так не хватало в детстве, а часто и в супружеской жизни. Юную леди никоим образом не учили быть матерью, наоборот, сама тема деторождения и воспитания потомства была покрыта единым ханжеским флером, и молодая мать могла только полагаться на собственное сердце – далеко не всегда бывшее лучшим из советников, и на подражание поступкам собственных родителей, так или иначе позволивших ей вырасти и составить себе «партию». Вот что на самом деле было главной задачей воспитания маленькой девочки в прежние времена: ее учили не сохранять семью, а обзаводиться семьей. Как правильно замечает Скарлет О'Хара, они не видели дальше алтаря; родители же, безусловно, старались привить своей дочери все навыки, необходимые для того, чтобы удачно появляться в свете: умение одеваться и хорошо выглядеть, сдержанность манер и положенную по статусу галантность. Эти задачи невозможно было выполнять при помощи куклы-младенца: зачем девочке возиться с младенцем? Даже ее собственными детьми будет заниматься няня. Важно было предоставить ребенку куклу-ролевою модель, способную стать невидимым ментором: ее костюмы, выражение лица, манеры должны были превратиться в образец для подражания; с ее помощью девочка в кругу подруг разыгрывала свои будущие светские роли. Ситуация изменилась только в середине XIX века, т. е. ровно тогда, когда женщины из обеспеченных классов стали все больше и больше времени уделять собственным детям и все яснее видеть роль матери как достойную внимания и требующую подготовки. Девочка, нянчащаяся с куклой-ребенком, подражала бы уже не няне, чью роль ей никогда не придется играть, но собственной матери, опекающей младших братьев и сестер; подобная картина стала выглядеть более чем уместно. Именно тогда и стали набирать популярность куклы-дети, создав основу тенденции, которая впоследствии захлестнула мир и существовала на протяжении почти ста лет. The French Bebe, производимые французскими кукольниками малыши, возникли в середине 1850-х и в ближайшие тридцать лет стали одной из самых популярных игрушек в семьях аристократии и буржуазии. Дороже всех стоили знаменитые куклы изобретателя bebe Пьера Франко. Тогда же начали различать кукол-baby и кукол-toddler: под первыми подразумевалась имитация совсем маленького ребенка – сходство обеспечивалось согнутыми в коленях ногами; второе означало куклу-ребенка, только что начавшего ходить, – у нее были прямые ножки, но сильно развернутые тазобедренные «суставы». В 1866 году во Франции же была создана первая кукла, способная пить из бутылочки, – прообраз сегодняшних пугающе реалистичных резиновых младенцев, поглощающих детское питание с ложки: жидкость поступала в тельце куклы через трубочку и стыдливо выходила обратно через дырочку в пятке. К этим куклам можно было прикупить одежек, колыбелек, пеленок – словом, всего, что окружало младенца в реальной жизни. По мере возрастания ценности семьи и значения роли женщины в ее сохранении возрастала, по всей видимости, и важность игры с куклой в «дочки-матери». Попытки игры в куклы, в ходе которых искусственным младенцам придавались взрослые роли, казались извращенными и указывающими на нездоровый интерес девочки к низменным сторонам жизни. И только к середине XX века, особенно в послевоенные пятидесятые, когда женщина снова обрела необходимость социальной самореализации, когда понятия профессии, работы, карьеры начали занимать в ее жизни все больше и больше места, заставляя заботы о семье потесниться, никогда не умиривший, но временно пришедший в упадок рынок «взрослых» кукол, очевидно, должен был опять воспрянуть и обеспечить массового потребителя новыми ролевыми моделями для будущих дам: карьерно успешными, самостоятельными, асертивными, умеющими выйти в свет. Словом, соответствующими облику Барби. Интересно, что первыми это почувствовали сами

маленькие девочки: матери, как я еще буду рассказывать позже, сперва по большей части встретили Барби в штыки; но девочки были от нее без ума: она одевалась, как мама, ходила на работу, как мама, носила сложную прическу и броский макияж – словом, была идеальным объектом для подражания. И подражание началось.

Другим изобретением, приписываем компании «Маттел», стало создание в лице Барби куклы-потребителя, куклы-модницы, с ее огромным гардеробом и Obsessive-вниманием к моде. Барби и мода – вообще огромная тема, о ней еще пойдет речь в деталях, но говорить о новации в мире кукол тут было бы по меньшей мере наивно: скорее, наоборот, тут следует говорить о профанировании веками бытовавшей идеи *fashion doll*, куклы-модницы, и низведении этой идеи до уровня детской игрушки, существующей на широком рынке. Куклы со сменными гардеробами как таковые существовали уже в VII веке до н. э. Тогда идея существовала не столько в рамках тенденции слежения за модой, сколько в рамках уже упоминавшейся мной погони за реалистичностью: кукла должна была имитировать подлинного человека и иметь, как и он, некоторое количество сменных нарядов. Но прямая связь между куклами и модой установилась в середине XVII века, когда в Париже возникли Большие и Маленькие Пандоры. Названные в честь принесшей человечеству много мук мифологической красавицы с полным сундучком нарядов, эти куклы рассылались из Парижа во все концы света – Лондон, Париж, Петербург (Большая Пандора, принадлежавшая императрице Марии Федоровне, хранится в Гатчинском музее), заменяя собой модные журналы и постепенно распространяя французские моды по всей Европе. Большая Пандора демонстрировала придворные наряды (впоследствии вообще одежды, предназначенные на выход), а Маленькая – домашнюю одежду. Вслед за куклами-пандорами *fashion dolls* начали превращаться в обыденную практику: часто известные модельерши дарили восковых кукол своим клиенткам и присылали к ним наряды, стараясь получить заказ. Естественно, многие матери позволяли дочерям играть с такими куклами, но все-таки изначально они отнюдь не задумывались как предмет для игры, а главное – были исключительно дороги. Подлинной же революцией в области *fashion dolls* стал рост популярности бумажных кукол.

Бумажные куклы (я имею в виду плоских куколок, нарисованных на бумаге и вырезанных по контуру, чьи наряды, тоже нарисованные и вырезанные из бумаги, «надеваются» на них при помощи бумажных клапанчиков или другой близкой техники) вообще дали миру Барби больше, чем, кажется, любое другое изобретение в этой области. Тема бумажных кукол в целом огромна и заслуживает отдельного рассмотрения, но я постараюсь дать только выжимки, так или иначе показывающие нам, откуда у Барби растут ноги на самом деле.

Сначала бумажные куклы были дешевы, их наряды было легко делать самим и менять сколько угодно, добавляя любые атрибуты, характеризующие принадлежность к той или иной профессии или свойственные тому или иному занятию. Бумажные куклы существовали несколько сотен лет, их главным плюсом была легкость исполнения и удивительная дешевизна игры: девочка могла сколько угодно пририсовывать кукле наряды, были бы под рукой ножницы и лист бумаги. Ничто не останавливало полет фантазии – для создания самых невероятных нарядов не было нужды уметь шить или покупать дорогие материалы. При этом, естественно, первые бумажные куклы изображали взрослых и создавались для взрослых: в середине XVIII века модные портные Европы делали таких куколок с целью одновременно развлечь клиентов и клиенток и продемонстрировать им идеи новых костюмов. Иногда одежда для таких кукол клеилась из кусочков ткани, чтобы дать лучшее представление о планируемом наряде. Поскольку эти куклы были дешевы в исполнении, они быстро попадали в руки к детям, тем более что бумажные куклы иногда бытовали и вне модных мастерских: иногда их можно было купить за гроши у уличных торговцев – нередко куклы изображали знатных особ в карикатурной манере, а после «раздевания» являли собой не самое пристойное зрелище. Первой бумажной куклой, созданной фабричным способом и предназначенной сугубо для игры, была

«Маленькая Фанни» – дитя лондонской мануфактуры S&J Fuller, родившееся почти двести лет назад, в 1810 году. Кукла шла в комплекте с несколькими платьями, но юным модницам предлагалась самим создавать дополнительные комплекты одежды. К концу XIX века множество издательств, больших и маленьких, выпускало брошюры с фигурками, исключительно напоминающими нынешнюю Барби и ее младших сестричек, но в двумерном исполнении: все эти Дотти Димпл, Лотти Лав и Дженни Джун поставлялись в комплекте с бумажными одежками и аксессуарами, часто имитирующими готовность к тем или иным занятиям: походу на каток, игре в мяч, поездке верхом и т. п. С середины XIX века бумажных кукол и наряды к ним стали публиковать дамские и детские журналы; иногда их надо было просто вырезать, иногда еще и раскрашивать самостоятельно. «Журнальные» куклы превратились в целую субкультуру, отчасти существующую и по сей день; преимущество журнальной публикации заключалось в том, что издание нередко сопровождало новые наряды и аксессуары комиксом или коротким рассказом о жизни персонажей, что придавало игре дополнительную прелесть. Кстати, уже тогда общественность нередко обвиняла этих куколок в чрезмерном увлечении тряпками – и в качестве оправдания многие производители приписывали своим куклам профессию модели, одновременно легитимизируя постоянную смену костюмов и заставляя сердца маленьких девочек екат в предвкушении подобной блестящей карьеры, что требует от нас вспомнить первое полное название куклы Барби: *Barbie the Teenage Model*, «Юная модель».

Звездной эрой культуры бумажных кукол следует, повидимому, считать период Великой депрессии в США: грошовые комиксы и бумажные куклы были едва ли не единственным доступным развлечением для огромного числа детей и взрослых; многие известные бумажные куклы зародились именно как персонажи комиксов: Бренда Стар, Дик Трейси, Маленькие Катценджеммеры, Джейн Арден и др. В тот же период бумажные куклы начали появляться во многих газетных приложениях. Многие производители бумажных кукол поступали со своими детищами точно так же, как «Маттел» поступает с Барби, давая каждому костюму и каждой модели свое название. Тогда же возникла традиция зачастую привлекать к созданию костюмов для бумажных кукол ведущих модных дизайнеров: Барби от Армани или от Ив-Сен Лорана никоим образом не были изобретением компании. Бумажных кукол продолжали выпускать даже во время Второй мировой войны, правда, на менее качественном материале. Очень часто авторами бумажных коллекций становились знаменитые художники, работающие в жанре *Pin-Up*, также переживавшем в те годы бешеный расцвет. К концу 50-х годов мода пошла на убыль, но до конца не иссякла никогда; маленькая Барбара играла своими «взрослыми» бумажными подружками в 1957 году.

Отношения Барби и мира бумажных кукол оказываются сложными и запутанными. С одной стороны, Барби сама выросла из этого мира: и в буквальном смысле, если бы не бумажные куклы ее дочери, Рут Хендлер не пришлось бы в голову, по ее собственному утверждению, создать взрослую модель (Хендлер даже признавалась, что хотела сделать «трехмерную версию бумажных кукол», которых так любила ее дочь), и в переносном смысле: Барби копировала основные принципы этого мира – дешевизна, бесконечная смена нарядов и многие другие элементы, о которых я еще буду говорить. С другой стороны, саму Барби обвиняют в разрушении мира бумажных кукол, в сломе его популярности: если бы не она, у маленьких девочек еще долго не было бы альтернативы бумажным модницам и связанным с ними фантазиям. Также следует помнить, что собственно бумажные куклы, изображающие саму Барби, появились в 1962 году и до сих пор являются фактически самыми востребованными бумажными куклами в мире. Первыми появились Барби и ее младшая сестра Скиппер, затем последовал ее бойфренд Кен и лучшая подруга Барби, Мидж. В конце 80-х художником по этим куклам стал знаменитый Том Тирни, автор великого множества бумажных кукол, в том числе исторических кукол, кукол, изображающих знаменитостей, и фантастических коллекций. Еще одна извест-

ная художница по бумажным Барби – Барб Раух – признается, что ее собственное увлечение жанром началось во время игр с Кэти Кини, одной из самых знаменитых бумажных кукол мира.

Кэти Кини, Бетси МакКолл, Кэти Лоуренс были примерами того, что невнимательные наблюдатели тоже часто приписывают производителям Барби в качестве новации, а именно кукол, ведущих активный образ жизни и способных достичь всего, что им заблагорассудится. Они, как и Барби, были не просто модницами – они были личностями. Почти все крупные проекты, связанные с бумажными куклами, включали в себя костюмы и аксессуары, связанные с профессиями, разными видами отдыха, занятиями спортом, приключениями и тому подобными вещами. Впрочем, куклы-представители разных профессий существовали еще в Англии в середине XIX века – торговки, священники, клерки, пекари продавались в одеждах, подходящих для их занятий, и с соответствующими аксессуарами, например в руках торговки мог быть большой поднос или даже целый стол, на котором располагались миниатюрные товары, выполненные из папье-маше. Скажем, за семьдесят лет до появления Барби-учительницы (классные парты, учебные материалы, доска, мел; 1964 год) существовала немецкая кукла-учительница (классные парты, учебные материалы, доска, мел; 1885 год). Супермаркету, в котором работает Барби, предшествовала прекрасная, поражающая обилием мелких деталей кукольная продуктовая лавка, созданная в 1896 году компанией Baehr&Proeschild.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.